

UNITED WISDOM

Веданта: почему адвайта не исчерпывает традицию

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-21-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Веданта: почему адвайта не исчерпывает традицию

Представим условную сцену. После трудного разговора человек открывает книгу об индийской философии и находит обещание: вся отдельность — ошибка, в глубине мы едины. Оно звучит освобождающе. Возможно, не нужно так болезненно защищать своё место. Но рядом возникает другой вопрос: если различие между мной и другим только видимость, что происходит с его собственным голосом, с моей ответственностью и с любовью, в которой я обращаюсь к нему как к другому?

Этот вопрос не обязательно направлен против веданты. Он возникает внутри неё. За привычным образом одной мудрости скрывается спор о том, что означает единство и какую реальность имеют различия.

О чём эта статья. Веданта — семейство традиций, обсуждающих Брахман, человека, мир и освобождение на основе общего корпуса текстов. Адвайта Шанкары, вишиштадвайта Рамануджи и двайта Мадхвы дают разные ответы. Мы рассмотрим несколько ключевых различий и попробуем понять, почему их нельзя превратить в последовательные ступени одной лестницы. Для современного читателя это также разговор о том, как сохранять принадлежность, не стирая другого человека, и как исследовать духовную идею, не используя её для закрытия неудобного вопроса. Исторические положения ниже опираются на указанные источники; жизненные сцены и вопросы для размышления — наше современное прочтение, а не наставления древних авторов.

1. Общее имя не означает одного ответа

Веданта объединена прежде всего задачей истолкования, а не готовым решением. Упанишады, «Бхагавадгита» и «Брахма-сутры» образуют её общий текстовый горизонт. Школы спорят о том, как согласовать высказывания о единстве с высказываниями о различии, действии и Боге. Академический обзор Рамануджи выделяет именно этот общий предмет и реальные доктринальные разногласия. Шьям Ранганатан, «Rāmānuja», §2a.

Полезно остановиться на слове «истолкование». Если два читателя признают один текст, это ещё не означает, что они понимают одинаково его основные слова. Предложение «всё зависит от единого основания» допускает несколько смыслов. Можно понимать его как утверждение об одной окончательной реальности. Можно — как описание целого, в котором реальные различия существуют в зависимости от Бога. Можно — как указание на единственный независимый источник при неизбывном различии между ним и

@andrey.zarinsh @ilkutki

зависимыми существами. Общий словарь способен скрывать очень разную грамматику мысли.

В повседневной жизни мы знаем похожую трудность. Условные участники команды называют её «единым целым», но один подразумевает общий результат, другой — единое решение руководителя, третий — взаимное уважение автономных людей. Спор начинается позже, когда один из них требует согласия. Оказывается, что люди приняли одинаковую фразу, не приняв одинаковое устройство отношений.

Эта аналогия не объясняет метафизику веданты и не делает философскую школу моделью управления компанией. Она показывает только риск раннего согласия: знакомое слово создаёт впечатление, будто мысль уже понята. При чтении веданты стоит спрашивать не только «говорит ли автор о единстве», но и «единстве чего, в каком отношении и с каким статусом различий». Тогда дальнейший спор становится содержательным. Мы перестаём измерять глубину позиции тем, насколько мало различий она оставляет.

2. Адвайта: ошибиться можно в том, кем себя считаешь

Адвайта связывает освобождающее знание с устранением неведения о тождестве атмана и Брахмана. Атман здесь нельзя без пояснения отождествить с биографическим характером или привычным образом собственного «я». Шанкара обсуждает наложение свойств объекта и субъекта; классический пример ошибки — принятие верёвки за змею. В академическом изложении адвайты различаются высшая реальность и обычный опыт, который подлежит переосмыслению. Сангитха Менон, «Advaita Vedānta», §§2–3a.

Из этого не следует, что всякое переживание можно отменить фразой «тебя нет». Такая фраза оставляет без внимания вопрос, какой именно смысл слова «ты» сейчас обсуждается. Человек, которому больно, не обязан за один разговор решить метафизическую проблему субъекта. Его сообщение о боли, факт события и способы дальнейшего обращения с ним остаются вопросами обычной жизни.

Возьмём другой условный пример. После профессиональной ошибки человек говорит: «Я неудачник». Здесь конкретное действие превратилось в характеристику всей личности. Можно предложить более точное описание: «Я неправильно оценил срок; теперь нужно выяснить последствия». Это изменение языка помогает отличить событие от полного самоопределения. Но оно не является доказательством адвайты. Из того, что человек шире своей ошибки, не следует, что атман тождествен Брахману. Небольшой жизненный вывод и большое метафизическое утверждение имеют разные основания.

Читатель вправе находить в адвайте повод проверить собственные отождествления. При этом особенно важно не подменять исследование новой самооценкой: «Теперь я

человек, который понял единство лучше других». Так старое желание превосходства получает более торжественный язык. Современная осторожность здесь состоит в вопросе: какое отождествление действительно стало менее жёстким, а какое просто сменило название? Это вопрос к нашему применению идеи, не установленный исторический диагноз последователям школы.

У примера с верёвкой есть более трудное следствие: ошибка не равнозначна полному отсутствию происходящего. Испуг действительно возник, хотя предполагаемая змея отсутствует. Исправление касается того, чему было приписано существование, а не требует объявить сам испуг никогда не происходившим. Поэтому фраза «ты ошибся» ещё не сообщает, что именно было ошибочным: предмет, его свойство, причина реакции или описание себя после неё.

Это помогает точнее поставить философскую проблему. Если обычный опыт подлежит пересмотру, на каком основании производится пересмотр? Недостаточно противопоставить слабому убеждению более сильную уверенность. Потребуется объяснить, почему новое понимание отменяет прежнее, а не просто сменяет его настроение. Условный человек сегодня уверен в чужой враждебности, завтра — в полной дружбе. Смена уверенности сама по себе не устанавливает истину ни первого, ни второго ответа.

Точно так же освобождающее знание в обсуждаемой позиции нельзя свести к приятной мысли «всё хорошо». Оно претендует на исправление фундаментальной ошибки, и потому вопрос о его основании остаётся центральным. Читателю полезно различить утешение, которое он действительно получил, и познавательное утверждение, которое ещё нужно понять. Это позволяет серьёзнее отнестись к адвайте: не уменьшать её до полезной фразы и не принимать полезность фразы за доказательство её метафизики.

3. Рамануджа: принадлежность может сохранять различие

Вишиштадвайта Рамануджи утверждает единство, в котором реальные души и мир зависят от Брахмана, не теряя своего различия. В «Шри-бхашье» к «Брахма-сутрам» II.1.9 он защищает отношение мира к высшему Я как тела к его внутреннему основанию и управителю. Этот образ выражает зависимость, а не простое совпадение всех частей. Рамануджа, «Шри-бхашья», II.1.9, перевод Джорджа Тибо, с. 422–424.

Почему этот ответ важен для нашей темы? Потому что он препятствует распространённой развилке: либо всё едино и различия исчезают, либо различия реальны и единства нет. Рамануджа работает с другой возможностью. Часть может иметь реальность именно в отношении к целому. Зависимость сама по себе не означает иллюзорности.

Для современного читателя это открывает самостоятельный вопрос о принадлежности. Условный человек много лет ухаживает за семейным садом. Он не создавал климат, не изобрёл растения и пользуется трудом предыдущих поколений. Однако из зависимости его действий от многих условий не следует, что он ничего не делает. Его участие реально, хотя оно не является самодостаточным началом всего происходящего. Мы можем признать основания, которые нас поддерживают, не превращая свою жизнь в пустое место.

Это ограниченная аналогия: семейный сад не является Брахманом, а человек не становится частью богословского организма по факту благодарности. И всё же она позволяет различить две привычные крайности. Первая: я обязан быть единственным источником собственной жизни, иначе она не моя. Вторая: раз я зависим, любое моё решение несущественно. Между ними существует пространство реального участия без претензии на абсолютную независимость.

В отношениях такая мысль может быть плодотворной, если она добровольно принята. Но образ тела нельзя механически переносить на семью, государство или духовную организацию. Из религиозной зависимости от совершенного основания не следует право другого человека требовать полного подчинения. Здесь аналогия достигает своей границы, и эту границу нужно сохранить.

4. Мадхва: встреча с Богом не обязана становиться тождеством

Двайта Мадхвы настаивает на реальном различии Бога, душ и материального мира. Только Брахман независим; остальные реальности зависимы. Пять различий включают различие Бога и души, Бога и материи, души и материи, разных душ и разных материальных вещей. Для Мадхвы преданность Богу сохраняет смысл именно при несводимости человека к Богу. Валери Стокер, «Madhva», §§1–3.

Этот ответ особенно неудобен для популярной картины, в которой вся духовная история стремится к одному и тому же переживанию слияния. Если принять такую картину заранее, двайта неизбежно будет выглядеть остановкой на полпути. Но это оценка, встроенная в одну из конкурирующих позиций. С точки зрения самой двайты устранение различия способно уничтожить предмет отношения, которое и требуется понять.

Можно поставить современный вопрос: обязательно ли близость тем глубже, чем меньше остаётся различия? В условной паре один человек говорит: «Если ты меня любишь, ты должен чувствовать то же самое». Другой хочет близости, но иначе воспринимает события. Их трудность не исчезнет, если объявить различие недостатком.

Иногда отношение становится возможным благодаря тому, что другой не совпадает со мной и всё же обращается ко мне.

Опять же, любовь между людьми не доказывает двайту. Она лишь помогает почувствовать, почему сохранение другого может быть осмысленной ценностью, а не признаком поверхностного знания. Научиться видеть эту возможность полезно ещё до выбора религиозной позиции. Иначе мы будем оценивать любое учение о различии по правилам учения о тождестве.

Есть и трудная сторона. Реальность различий сама по себе не гарантирует равенства, взаимности или свободы. Обзор Стокер отмечает в системе Мадхвы иерархию душ и учение об их различных конечных уделах. Это нельзя незаметно превратить в современную теорию равного человеческого достоинства. Читать философию внимательно означает видеть не только созвучный нам мотив, но и положения, которые требуют отдельного обсуждения.

5. Три позиции — не три темперамента

Соблазнительно сказать: адвайта подходит людям созерцательным, вишиштадвайта — людям общительным, двайта — людям преданным. Такая схема понятна и почти ничего не объясняет. Она превращает утверждения о реальности в предпочтения характера. Между тем можно любить отношения и принимать недвойственную метафизику; можно быть склонным к уединению и оставаться религиозным дуалистом.

Более точное сравнение начинается с того, что спорят сами позиции. Что делает различие реальным? Может ли знание обычного опыта быть пересмотрено знанием иного порядка? Как понимать текст, который говорит одновременно о единстве и об обращении к Богу? Что именно освобождается и что остаётся после освобождения? Эти вопросы не решаются тестом на личный стиль.

Условному читателю можно предложить мыслительный опыт. Пусть он выберет утверждение «я принадлежу большему целому». Затем попробует три продолжения: «поэтому моя отдельность не окончательна»; «поэтому моя реальность существует в зависимости и связи»; «поэтому я зависим от того, с чем никогда не тождествен». Продолжения не являются полноценными определениями школ. Их задача — показать, что одинаковое начало не задаёт одинакового вывода.

В этом опыте важен момент внутреннего сопротивления. Читатель может заметить: первое продолжение пугает утратой личности, второе кажется неясным, третье вызывает ощущение дистанции. Эти реакции заслуживают внимания, но не заменяют аргумент. Страх перед идеей не доказывает её ложности, а облегчение не доказывает её

истинности. Реакция говорит о том, как мы встречаем положение; философский разбор — о том, почему его следует или не следует принимать.

Сохранить обе линии непросто. Однако именно так можно избежать и холодной классификации, и поспешного духовного выбора по приятному ощущению. Читатель не обязан верить школе, чтобы попробовать понять её аргумент изнутри.

Есть ещё одна проверка, которая помогает не превратить различия в каталог удобных идентичностей. Попробуем спросить о цене каждого ответа. Если моя отдельность не окончательна, как я объясняю опыт обращения к другому? Если различия входят в единое целое, что именно связывает их, не делая связь пустой метафорой? Если зависимость сохраняет неизбывную отдельность, каким образом возможно освобождение и что оно изменяет? Это не набор возражений, придуманный для того, чтобы все позиции показались одинаково слабыми. Это способ вернуть каждой её собственную трудность.

Условный читатель может заметить, что охотно требует подробного ответа от чужой позиции, но позволяет своей любимой идее оставаться неопределённой. Для неё достаточно слова «глубина», тогда как противнику предъявляется требование объяснить каждое понятие. Такая асимметрия делает чтение предсказуемым: мы каждый раз находим подтверждение исходного предпочтения. Чтобы изменить качество чтения, можно применить к любимому ответу тот же вопрос, который кажется обязательным для остальных. Например, что конкретно он отрицает и что обязан объяснить после этого отрицания?

В этом опыте нет необходимости отказаться от веры. Убеждение может выдержать подробный вопрос и стать яснее. Но может выясниться и другое: читателю было важно не положение школы, а ощущение защищённости, которое создавалось вокруг него. Тогда честнее назвать нужду прямо. «Мне помогает мысль, что я не один» — содержательная жизненная фраза. «Поэтому все школы на самом деле учат одной онтологии» — уже историческое утверждение, для которого одного облегчения мало.

Наконец, выбор философской школы не обязан завершаться после сравнительной статьи. Можно остаться в позиции внимательного читателя: я теперь знаю, какие вопросы существуют, и вижу, какие из них требуют дальнейшего текста. Это не менее достойный результат, чем быстрое присоединение к названию. Когда предмет касается конечной природы реальности, право медленно понимать особенно ценно.

6. Что теряется, когда весь мир объявляют иллюзией

Фраза «мир — иллюзия» создаёт много ошибок, если произносится без уточнения. Она может означать, что мир вообще не существует; что он существует иначе, чем кажется; что его нельзя считать независимым и окончательным; что отдельная интерпретация ошибочна. Между этими смыслами огромная дистанция. В адвайте понятие ошибочного наложения не сводится к обычной выдумке. Менон, «Advaita Vedānta», §3a.

Условный сотрудник столкнулся с невыполненным обещанием. Ему говорят: «Отпусти, это всё игра форм». Возможно, говорящий хотел помочь. Но сотруднику всё ещё нужно понимать, получит ли он зарплату, можно ли доверять договорённости и стоит ли продолжать работу. Духовная фраза не отвечает на эти вопросы. Она меняет уровень разговора без согласия участника.

Поэтому современное применение нуждается в простом разделении: что я сейчас исследую — своё окончательное представление о реальности или конкретное нарушение договорённости? Можно обсуждать оба вопроса, но один не отменяет другой автоматически. Даже если человек считает своё глубинное Я не затронутым событием, его практические обязанности и действия остаются предметом ясного разговора.

Возражение здесь очевидно: не обедняем ли мы духовную традицию, когда ограничиваем её бытовой ответственностью? Такое обеднение возможно, если свести её только к полезной привычке. Но различение уровней не требует такого сведения. Оно позволяет оставить метафизическое утверждение большим и одновременно не выдавать его за готовый ответ в любой ситуации. Учение может претендовать на большее, чем житейская помощь; именно поэтому применять его следует точнее, а не произвольнее.

И противоположная ошибка тоже возможна: отвергнуть всю адвайту из-за одного неуместного совета. Неудачная фраза современного собеседника ещё не является аргументом против исторической школы. Мы можем критиковать применение, не делая вид, что тем самым разобрали её основания.

7. Почему общий текст не прекращает спора

У общего текста нет кнопки, после нажатия которой все компетентные читатели получают одинаковую метафизику. Интерпретация требует решений: какие высказывания считать определяющими, какие читать в контексте других, где слова употребляются непосредственно, а где через уточнение. Изучение веданты обнаруживает эту работу достаточно ясно.

Можно сравнить её с чтением договорённости в условной семье. Фраза «мы всегда поддерживаем друг друга» не решает, обязаны ли родственники дать деньги на любой

проект. Один понимает поддержку как помощь действием, другой — как честный отказ от опасного решения. Стороны могут искренне признавать общую фразу и по-разному понимать её следствия. Им нужен разговор о смысле и основаниях, а не только повторение обещания громче.

Философский спор значительно сложнее семейного примера. Тем не менее пример показывает: уважение к общей основе не делает разногласие недобросовестным. Можно отвергать толкование, не отвергая сам предмет разговора. Иногда именно признание общего предмета позволяет спорить долго и подробно.

Здесь возникает важный вопрос к читателю. Не требует ли он от традиции такого единогласия, которого не требует от собственной культуры? Мы привыкли, что европейская философия включает несовместимые позиции, но иногда ожидаем от Индии одной мудрости с местными оттенками. Это ожидание лишает индийских мыслителей права на собственный философский конфликт.

Если отказаться от него, разногласия перестают быть помехой духовному чтению. Они показывают, какие вопросы остаются трудными даже при глубоком внимании к тексту. Не всякий спор должен завершиться нашим выбором победителя. Иногда полезный результат — более точное понимание того, почему простая формула не отвечает сразу на несколько разных вопросов.

8. Сходство можно признавать без сведения к одному

Все три рассмотренные линии обсуждают освобождение и Брахман, но общность предмета не означает тождества ответа. Если мы назовём разные позиции просто языками одного опыта, потребуется доказать, что различие их утверждений несущественно. Такое доказательство нельзя заменить добрым намерением объединить людей.

Для диалога есть менее властный путь. Можно сначала признать разницу, затем искать участок совместной работы. Два условных собеседника не согласны о конечной природе сознания, но оба считают важным внимательно читать источник и не унижать оппонента. Их сотрудничество возможно без метафизического соглашения. Они не обязаны объявить чужую позицию ранней формой собственной.

Это касается и сравнений с буддизмом. Отрицание неизменного самостоятельного Я в ряде буддийских традиций не становится тождественным атману адвайты из-за похожего языка о преодолении эгоизма. «Не держаться за своё представление о себе» — ещё слишком широкое описание, чтобы установить совпадение учений. Похожий практический вопрос может стоять внутри различных картин реальности.

Читателю полезно различать три результата сравнения. Первый: найден похожий мотив. Второй: установлена конкретная историческая связь. Третий: доказано совпадение положения. Эти результаты требуют разной работы. Из первого нельзя автоматически получить второй или третий. И отсутствие третьего не обесценивает первый: разговор между различными традициями может быть значимым именно потому, что они не совпадают.

Такое чтение не запрещает личной веры в глубокое единство. Оно просит отделить эту веру от сообщения о том, что утверждает конкретный автор. Уважение начинается там, где мы способны дать другому его собственные слова и собственный вопрос.

9. Что это значит на практике

Для добровольного размышления можно взять одно предложение, которое в последнее время приносило облегчение: «мы едины», «я часть целого», «всё зависит от большего». Затем записать, какое конкретное решение оно помогает увидеть и какой вопрос оставляет открытым. Если предложение помогает не превращать профессиональную ошибку в полную характеристику себя, это один результат. Если оно заставляет игнорировать невыполненное обещание, это другой.

Следующий шаг — проверить скрытый вывод. Действительно ли из принадлежности следует подчинение? Следует ли из зависимости отсутствие ответственности? Следует ли из близости одинаковое мнение? На каждый вопрос можно ответить отдельно, не выбирая религиозную школу ради немедленного житейского эффекта.

В условном разговоре вместо «на глубине мы одинаковы, поэтому перестань спорить» можно попробовать: «Я хочу сохранить нашу связь и понять, в чём мы различаемся». Это современная коммуникативная формулировка, не перевод Рамануджи или Мадхвы. Её достоинство скромнее: она оставляет место для ответа другого.

Ещё один добровольный опыт — прочитать по короткому изложению каждой школы и попытаться сформулировать её сильнейшее возражение собственной любимой идее. Если ближе адвайта, можно спросить, зачем столь настойчиво защищается реальность отдельной души. Если ближе двайта, можно спросить, какие отождествления адвайта считает ошибочными. Цель — не расшатать убеждение любой ценой, а увидеть, что оно отвечает на настоящий вопрос и что у альтернативы тоже есть основания.

Ни один из этих опытов не обещает освобождения и не заменяет религиозной практики. Можно остановиться после чтения, сохранить несогласие или вернуться к источникам позднее. Способность не выдавать первое впечатление за окончательное понимание уже меняет качество встречи с традицией.

10. Единство, которое не лишает других голоса

Мы начали с человека, которого утешала мысль о единстве и тревожила возможная утрата другого. После знакомства с несколькими линиями веданты его вопрос не обязан исчезнуть. Зато он перестаёт казаться слишком простым или недостаточно духовным. Веданта сама предоставляет пространство, в котором единство и различие исследуются через конкурирующие ответы.

Читатель может принять одну позицию, отвергнуть другую или не сделать выбора. Но теперь ему доступна более точная речь. Адвайта не равна всей веданте. Вишиштадвайта не является смягчённой психологической версией адвайты. Двайта не обязана стать недвойственностью после достаточного внутреннего развития. Эти различия — часть содержания, которое мы пришли читать.

В современной жизни отсюда можно вынести вопрос, а не универсальное правило: какую связь я предлагаю человеку рядом со мной и какое место оставляю его отличию? Если ради единства требуется лишить его права ответить, возможно, стоит проверить само употребление этого слова. И если ради отдельности нужно отрицать любую зависимость и благодарность, это тоже заслуживает исследования.

Серьёзное чтение духовной философии может начинаться с согласия, но не обязано им завершаться. Иногда оно заканчивается яснее поставленным вопросом. Единство становится точнее, когда мы перестаём использовать его как средство заранее закончить разговор.

Использованные источники

1. Shyam Ranganathan. Rāmānuja. Internet Encyclopedia of Philosophy. Использованы §2a и §2c: общий предмет веданты и реальность различий в вишиштадвайте.

2. Sangeetha Menon. Advaita Vedānta. Internet Encyclopedia of Philosophy. Использованы §§2–3a: атман, Брахман, неведение, наложение и познавательная ошибка.

3. Rāmānuja. The Vedānta-Sūtras with the Commentary of Rāmānuja, II.1.9. Перевод George Thibaut, Sacred Books of the East 48, 1904, c. 422–424. Первичный фрагмент о мире как теле Брахмана.

4. Valerie Stoker. Madhva. Internet Encyclopedia of Philosophy. Использованы §§1–3: зависимая и независимая реальность, пять различий, преданность, иерархия душ.